

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

**Враждебность и социальное недоверие
как предикторы девиантной аффилиации подростков**

С.О. Дмитриенко¹ ✉, О.И. Политика¹

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация
✉ svetadmitrienko@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. По данным Генпрокуратуры за период с января по ноябрь 2025 года, подростковая преступность в России выросла на 10% и составила 25,9 тыс. случаев. Более половины подростков совершили противоправные действия в составе групп. За этот же период 89,6 тыс. детей в нашей стране стали жертвами преступлений. По данным СК РФ, в 2024 году от семейного насилия пострадали 2000 детей, однако было отмечено, что внутрисемейная преступность носит латентный характер — дети, подвергающиеся насилию, не обращаются за помощью и реальная ситуация многократно превышает представленную криминальную статистику. **Цель.** Выявить и проанализировать специфические внутриличностные и внутрисемейные психологические характеристики подростков, взаимосвязанные с риском формирования девиантного поведения и аффилиации с деструктивными группами. **Гипотеза.** Связь между негативными внутрисемейными отношениями и риском девиантной аффилиации несовершеннолетних опосредована высоким уровнем враждебности и недоверия к социальному окружению. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 142 подростка 12—18 лет ($M = 15,12$, юношей — 56%, девушек — 44%), учеников 5—11-х классов школ и гимназий г. Уфы. Применен комплекс методов: «Опросник уровня агрессивности Басса—Дарки» (А. Басс, Э. Дарки) — для оценки агрессивности и враждебности; проективные методики: «Незаконченные предложения» (Д. Сакс, С. Леви; модификация В. Михала), «Незаконченные предложения, отношение ребенка к насилию» (Д. Сакс, С. Леви; модификация Е.Н. Волковой) — для изучения глубинного отношения подростков к своему ближайшему окружению; опросник «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев) — для анализа переживаний негативного опыта и оценки семейного климата, а также склонности к асоциальному поведению. **Результаты.** Выявлен статистически значимый феномен фрустрированной агрессии, при котором высокий уровень

враждебности сочетается со сниженной общей агрессивностью. Установлен резкий контраст в эмоциональном отношении к родителям — позитивное отношение к матери, на фоне крайне негативного восприятия отца. Показано, что 37% респондентов пережили опыт жестокого обращения, 17% — испытывают эмоциональное насилие в семье, у 48% несовершеннолетних отсутствует доверие к социуму из-за страха предательства. Доминирующей стратегией совладания является вынужденная самостоятельность, которая характерна для 63% опрошенных. Эмпирически проверена модель взаимосвязи семейного неблагополучия и риска девиантной аффилиации у несовершеннолетних. Методами корреляционного и регрессионного анализа установлено, что непосредственными предикторами склонности к асоциальному поведению и восприимчивости к девиантным группам выступают враждебность и недоверие к социальному окружению (измеряемое как комплекс одиночества и недоверчивости). Влияние таких факторов, как негативное отношение к отцу и опыт жестокого обращения, на склонность к девиации опосредовано формированием у подростков этих психологических характеристик. **Выводы.** Синдром психологического риска, включающий в себя недоверие к социуму и латентную враждебность, связанный с дисфункциональными детско-родительскими отношениями, формирует у подростков комплекс характеристик, способствующих развитию психологического профиля, сенситивного к девиантной аффилиации.

Ключевые слова: подростки, внутрисемейное насилие, девиантное поведение, фрустрированная агрессия, враждебность, недоверие

Для цитирования: Дмитриенко, С.О., Политика, О.И. (2026). Враждебность и социальное недоверие как предикторы девиантной аффилиации подростков. *Психология и право*, 16(3), 154—173. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309>

Hostility and social distrust as predictors of deviant affiliation in adolescents

S.O. Dmitrienko¹ ✉, O.I. Politika¹

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ svetadmitrienko@mail.ru

Abstract

Context and relevance. According to the Prosecutor General's Office, juvenile crime in Russia increased by 10% between January and November 2025, reaching 25,900 cases. More than half of these teenagers committed crimes as part of groups. During the same period, 89,600 children in our country became victims of crime. According to the Investigative Committee of the Russian Federation, 2,000 children suffered from domestic violence in 2024. However, it was noted that domestic violence is a latent phenomenon—children experiencing violence do not seek help, and the actual situation is many times higher than the reported crime statistics. **Objective.** To identify and analyze specific intrapersonal and intrafamily psychological characteristics of

adolescents associated with the risk of developing deviant behavior and affiliation with destructive groups. **Hypothesis.** The link between negative intra-family relationships and the risk of deviant affiliation in minors is mediated by high levels of hostility and distrust towards the social environment. **Methods and materials.** The study involved 142 adolescents aged 12 to 18 years ($M = 15.12$, 56% boys, 44% girls), students in grades 5—11 of schools and gymnasiums in Ufa. A range of methods was used: the Buss—Durkee Hostility Inventory (A. Buss, A. Durkee) was used to assess aggression and hostility; projective techniques such as "Unfinished Sentences" (J. Sachs, S. Levy; modified by V. Mikhal) and "Unfinished Sentences, The Child's Attitude to Violence" (J. Sachs, S. Levy; modified by E.N. Volkova) were used to study the underlying attitudes of adolescents to their immediate environment; and the "Antivitality and Resilience" questionnaire (O.A. Sagalakova, D.V. Truevtsev) was used to analyze negative experiences and assess the family climate, as well as the tendency to antisocial behavior. **Results.** A statistically significant phenomenon of frustrated aggression was identified, in which high levels of hostility are combined with reduced overall aggression. A sharp contrast was found in emotional attitudes toward parents: a positive attitude toward the mother, compared to an extremely negative perception of the father. Thirty-seven percent of respondents experienced abuse, 17% experienced emotional violence in the family, and 48% of minors lack trust in society due to fear of betrayal. The dominant coping strategy is forced independence, characteristic of 63% of respondents. A model of the relationship between family dysfunction and the risk of deviant affiliation in minors was empirically tested. Correlation and regression analysis revealed that hostility and mistrust of the social environment (measured as a combination of loneliness and mistrust) are direct predictors of a tendency toward antisocial behavior and susceptibility to deviant groups. The influence of factors such as negative attitudes towards the father and the experience of abuse on the tendency to deviance is mediated by the formation of these psychological characteristics in adolescents. **Conclusions.** A psychological risk syndrome, including mistrust of society and latent hostility associated with dysfunctional parent-child relationships, forms a complex of characteristics in adolescents that contribute to the development of a psychological profile sensitive to deviant affiliation.

Keywords: adolescents, domestic violence, deviant behavior, frustrated aggression, hostility, mistrust

For citation: Dmitrienko, S.O., Politika, O.I. (2026). Hostility and social distrust as predictors of deviant affiliation in adolescents. *Psychology and Law*, 16(3), 154—173. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160309>

Введение

Согласно указу Президента России № 240 от 29 мая 2017 года, 2018—2027 годы в нашей стране объявлены Десятилетием детства¹. В этот период, программа государственной политики сфокусирована на всесторонней помощи несовершеннолетним гражданам, на

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» (2017, Май 29). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201705290022> (дата обращения: 19.01.2026).

обеспечении их безопасности и благополучия, создании благоприятной среды для развития физических и умственных способностей.

Несмотря на вложенные ресурсы, в 2025 году 89,6 тыс. детей стали жертвами преступлений².

По данным СК РФ, в 2024 году 1082 ребенка погибли в результате преступлений, потерпевшими признаны почти 17 тыс. несовершеннолетних; в 2023 году их число составило 18 тыс., в большинстве своем это лица младшего юношеского возраста (7 тыс. случаев), подростки 11—14 лет (более 6 тыс. эпизодов), и дети младшего школьного возраста 6—10 лет (2600 потерпевших). Глава СК отметил, что характер преступлений против детей стал более жестоким³. В 2024 году от семейного насилия пострадали 2000 детей, однако внутрисемейная преступность носит латентный характер — дети зачастую запуганы и подавлены, они не обращаются за помощью из-за страха, что им не поверят. Таким образом, реальная ситуация насилия над детьми внутри семьи многократно превышает представленную криминальную статистику⁴.

Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка М.А. Львова-Белова обозначила, что в 2022 году 80 детей были убиты своими родителями. с 2010 года на 44% возросло количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних; более половины таких преступлений совершается внутри семейного круга — близкими родственниками, а 11% — родителями или законными представителями. 25% надругательств над детьми совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а также лицами, страдающими психическими расстройствами⁵.

Масштабное исследование, в котором приняли участие более 17 тыс. респондентов (99% из них — женщины 13—66 лет), было проведено в РФ в период с 2022 по 2023 год. 40% респондентов сообщили о пережитом ими опыте сексуального насилия. 19% мужчин также сообщили о том, что в детско-подростковом возрасте подвергались сексуальному насилию. 48% опрошенных никому не рассказали о совершенных с ними ранее сексуальных действиях. 20% рассказали о случившемся спустя 10 лет. Ведущей причиной молчания выступал стыд. Только 3% несовершеннолетних жертв сексуального насилия незамедлительно обратились за психологической помощью и подали заявление в правоохранительные органы. Таким образом, лишь 1% преступников, совершивших сексуальное насилие над несовершеннолетними, понесли уголовное наказание⁶.

Согласно статистике МВД России, несовершеннолетние девочки составляют до 90% от общего числа жертв сексуального насилия. Несовершеннолетние мальчики составляют 9,3% потерпевших.

² Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10%. (2026, Январь 3). *TACC*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (дата обращения: 19.01.2026).

³ Архипов, Д. (2025, Апрель 3). В России за год от преступлений погибло более тысячи детей. *Газета.Ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/04/03/25472906.shtml> (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ Бастрыкин: от насилия в семье в 2024 году пострадали около 2 тыс. детей. (2025, Апрель 4). *TACC*. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23596135> (дата обращения: 19.01.2026).

⁵ Кислов, А. (2023, Ноябрь 24). Львова-Белова: в РФ за 2022 год зафиксировано 80 убийств детей родителями. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6363272> (дата обращения: 19.01.2026).

⁶ Новые данные о сексуализированном насилии над детьми. [б. г.]. Академия безопасности Ольги Бочковой. URL: <https://bochkova.academy/netabu/> (дата обращения: 22.01.2026).

Мировое сообщество признает глобальный масштаб проблемы. Согласно статистике, отраженной на официальном сайте ВОЗ, более половины детей в возрасте от 2 до 17 лет подвергаются насилию внутри своих семей, что составляет около 1 млрд детей в мире; трое из пяти детей регулярно сталкиваются с физическими формами наказания. Каждая пятая девочка и каждый седьмой мальчик переживают опыт сексуального насилия. До 50% детей сталкиваются с травлей. Представительство ВОЗ отмечает, что менее половины пострадавших детей сообщают кому-либо о фактах насилия и менее 10% получают реальную помощь. Мировая статистика говорит о 40 тыс. убитых детей ежегодно; таким образом, каждые 13 минут от насильственных действий в мире гибнет ребенок⁷.

Генеральный директор ВОЗ заявил, что, несмотря на существующую возможность предотвращения насилия в большинстве случаев, миллионы детей в мире продолжают страдать от него ежедневно и последствия этого детского опыта сохраняются на протяжении нескольких поколений (там же).

Подростковый возраст — период особой психической уязвимости, определения личностной направленности и формирования жизненных ориентиров и ценностей, а также активной социализации. Приведенные статистические данные свидетельствуют о неудовлетворительном протекании этого важнейшего, зачастую жизнеопределяющего периода у многих тысяч несовершеннолетних в России и выступают прямым индикатором социальной дезадаптации подрастающего поколения.

Статистика роста деструктивного поведения подростков вызывает беспокойство у правоохранительных органов, психологических служб и общества в целом. По данным Генпрокуратуры РФ, подростковая преступность выросла на 10% и составила 25,9 тыс. деяний с января по ноябрь 2025 года.

Более 50% подростков, совершивших противоправные действия, вступают в преступления совместно с другими лицами (Наруцкая, 2025).

Учитывая, что в период самоопределения, поиска своего жизненного смысла и места в социуме принятие референтной группой для индивида является маркером его социального благополучия и внутриличностной удовлетворенности, можно говорить том, что подростку, вошедшему в состав преступной группы, не были своевременно привиты верные жизненные ориентиры, детско-родительские отношения носили отстраненный, конфликтный характер, с возможным применением физического и эмоционального насилия. Проживая в атмосфере недоверия, взаимных обид и эмоциональной депривации, подросток вынужден искать поддержки и принятия за пределами своего ближайшего социального окружения.

Не найдя поддержки в своих семьях, не будучи убежденными в своей ценности, сталкиваясь с постоянной критикой и недоверием, подростки учатся рассчитывать исключительно на себя. Пережив опыт осуждения, агрессии, эмоционального и физического насилия в ситуациях, где им была необходима реальная помощь и поддержка, отвергнутые значимыми фигурами, подростки испытывают чувство стыда и вины, в них формируются такие качества, как подозрительность и скрытая агрессия. Кроме всего прочего, внутри семьи детям и подросткам индуцируются идеи о враждебности социума, например, критикуются педагоги посещаемых

⁷ Страны обязуются принять меры по борьбе с насилием в отношении детей, от которого страдают около 1 миллиарда несовершеннолетних. (2024, Ноябрь 7). Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/07-11-2024-countries-pledge-to-act-on-childhood-violence-affecting-some-1-billion-children> (дата обращения: 19.01.2026).

ими учебных заведений, одноклассники. В то же время для возможности психологического взаимодействия, в том числе с целью выявления эмоционального и физического насилия, буллинга, аутоагрессивного и суицидального поведения несовершеннолетних, психологу необходимо получение информированного согласия от родителей или законных представителей учащихся, которые, в случаях наличия вышеуказанных проблем подростка могут выступать в роли агрессоров и в попытке скрыть факты внутрисемейного насилия, а также опасаясь выявления внутриличностных и межличностных проблем ребенка, не предоставляют данный документ, тем самым лишая несовершеннолетнего возможности получения необходимой психологической, а в некоторых случаях и юридической помощи.

Также важно учитывать, что на всю эту жизненную картину недоверия и подозрительности накладывается ситуация выученной беспомощности, и подросток, с детства подвергающийся эмоциональному и физическому насилию, будучи запуганным, испытывая чувство вины, не в состоянии активно использовать свои возможности — самостоятельно, проявить инициативу и обратиться за помощью. Таким образом, своевременная психологическая диагностика в данном случае выступает единственным инструментом, способным выявить факты деструктивной семейной среды и оказать ее членам действенную психологическую помощь.

Важно отметить, что описываемая психотравмирующая ситуация, в случаях вытеснения ее в детском возрасте, обязательно обнаружит себя в будущем и травматичный опыт будет повторяться, создавая порочный круг разнопланового насилия. Дети, пережившие опыт эмоционального, физического или сексуального насилия, вырастая, проявляют свою внутреннюю боль через акты гетеро- и аутоагрессии, девиантное поведение, рискованное поведение, употребление ПАВ.

Анализ факторов риска девиантной аффилиации, а также факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в преступные сообщества, представляет собой актуальную научно-практическую задачу в рамках реализации государственной политики в сфере защиты детства.

Теоретический обзор

А.А. Пионтковский одним из первых определил понятие насилия как «насильственное воздействие на личность, состоящее во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям» (Пионтковский, 1938).

С юридической точки зрения насилием является не только физическое воздействие на личность, но также угрозы этого воздействия, ограничение ее прав и свобод, сведение к минимуму возможности альтернативных действий, что является психологической формой насилия (Бадамшин, Набиев, 2020).

Ф.М. Абубакиров рассматривает насилие как «умышленное, противоправное физическое или психическое воздействие на человека со стороны другого лица, осуществляемое против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий» (Абубакиров, 2011).

Под семейным насилием понимаются намеренные контролирурующие или насильственные действия по отношению к жертве, находящейся с ней в единокровных или родственных отношениях (Бадамшин, Набиев, 2020).

Физическое насилие рассматривается как физиологическое воздействие на анатомическую целостность человека и его телесную неприкосновенность.

Эмоционально-психическое насилие, которое зачастую ведет к наиболее негативным последствиям для жизни и здоровья жертвы, выражается в унижении, запугивании, изоляции и различных формах принуждения.

Всемирная организация здравоохранения определяет сексуальное насилие как любой сексуальный акт или предпринятая попытка его совершения, а также любые действия, направленные против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком, независимо от его взаимоотношений с жертвой⁸.

Выделяется также экономическая форма насилия, как использование финансового потенциала для контролирования, ущемления и ограничения прав и свободы человека (Бадамшин, Набиев, 2020).

Обобщая вышесказанное, семейно-бытовое насилие можно определить как систематическое физическое, сексуальное или эмоционально-психическое воздействие, принуждение, экономическое ущемление или ограничение, осуществляемое одними членами семьи над другими для достижения своих целей (там же).

В данном контексте важно отметить систематический характер воздействия, что позволяет отграничить семейное насилие от конфликтной ситуации. Насилие в семейной среде становится паттерном образа жизни, постоянной практикой.

Социологические исследования показали, что основными причинами домашнего насилия выступают: алкогольная или наркотическая зависимость агрессора (77,7%), деструктивные или жестокие формы воспитания в детском возрасте, а также присутствие при эпизодах физического насилия, направленного на других членов семьи (55,4%), безнаказанность за применение насилия (51,6%), психические отклонения (44,8%), желание унижить и контролировать другого члена семьи (41,8%), самоутверждение за счет слабых (22,2%) (там же).

Пережитый в детстве опыт жестокого обращения выступает прогностическим фактором актуализации насилия бывшей жертвы по отношению к членам своей семьи. Высокий процент жертв насилия и жестокого обращения имеет место и среди преступников-рецидивистов (Качаева, Дозорцева, Борисенко, 2017).

Помимо социально-психологических механизмов, современные исследования выявляют и биологические последствия негативного детского опыта. Так, ученые, изучающие влияние пережитого в детстве насилия на нейроразвитие индивида, обнаружили, что ранний травматический опыт в наибольшей степени влияет на развитие отделов мозга, участвующих в когнитивных функциях, социально-аффективном функционировании, а также регуляции стресса (Yang et al., 2023). Была доказана зависимость между изменениями нейробиологических процессов в мозге, причиной которых стал опыт пережитого детского насилия, и развитием биполярного аффективного расстройства, а также суицидальным поведением (Agnew-Blais, Danese, 2016).

Поскольку подростки, живущие в атмосфере отвержения и агрессии, не испытывают эмоциональной близости с членами своей семьи, для них особенно актуально построить и сохранять отношения со сверстниками, так как именно последние могут выступать основным источником самоуважения и социальной поддержки. Однако дети, переживающие насилие в семье, для которых крики и физическое воздействие становятся нормой, испытывают

⁸ *World report on violence and health*. (2002, Октябрь 3). Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9241545615> (дата обращения: 22.01.2026).

трудности в процессе социально-психологической адаптации. Не обладая навыками саморегуляции и адаптивными стратегиями поведения в конфликтных ситуациях, они зачастую отвергаются сверстниками, для которых антисоциальное поведение и открытые формы агрессии не являются нормой. С другой стороны, дети, живущие в неблагополучных семьях, имеют высокий уровень терпимости к насилию и нередко становятся жертвами буллинга в среде сверстников. Таким образом, непринятые своей референтной группой подростки, выросшие в деструктивной семейной среде и имеющие низкий уровень социально-эмоционального развития, примыкают к девиантным сообществам и подвергаются негативному взаимовлиянию, а также влиянию лидеров таких группировок (Favre et al., 2024), следствием чего становятся как легкие формы антисоциального поведения, так и опасные формы ауто- и гетероагрессии.

В результате, согласно теории социального научения Альберта Бандуры, подростки, наблюдая поведение значимых фигур и подражая ему, присваивают себе паттерны их поведения и обретают чувство самооэффективности (Бандура, 2000).

Эдвин Сатерленд в теории дифференциальной ассоциации, сформированной с опорой на теорию подражания, утверждал, что люди становятся преступниками не из-за врожденных качеств или психологических отклонений, а по причине их социального окружения и характера взаимоотношений. Согласно данной теории, люди обучаются не только способам совершения преступления, но также мотивам противоправных действий и оправданию их последствий. Люди становятся преступниками в случае, когда их личностные установки на нарушение закона превалируют над установками на его соблюдение (Мельник, 2025).

Исследование Кети Уайдон показало, что пренебрежение и пережитое насилие в детстве, способствует повышению риска преступного поведения во взрослом возрасте. Дети-жертвы физического насилия имели повышенный риск ареста за насильственные преступления; пренебрежение в детском возрасте (в том числе и без применения физического насилия) также увеличивало риск преступного поведения и насильственные действия (Widom, 1989).

Ведущие отечественные ученые определяют подростковый возраст как сенситивный период в становлении мировоззрения, формировании системы ценностей и определении жизненных ориентиров (Божович, 1997; Выготский, 1984; Кон, 1989; Личко, 1983). Подростки из неблагополучных семей имеют высокий риск формирования патологической личностной направленности.

Современным семьям, переживающим эмоциональную холодность, отстраненность, обиды и недоверие, практику вербальной и физической агрессии, необходима психологическая поддержка, которой они пренебрегают из-за страха осуждения, а также контроля со стороны социальных служб, опасаясь риска изъятия ребенка из семьи. Согласно статистике, только 20% семей, где ребенок практикует самоповреждающее поведение и суицидальные попытки, обращаются за медицинской и психологической помощью.

Эффективность превентивных мер, предотвращающих насилие над детьми доказана. К ним относятся: психологическая помощь родителям, педагогам и воспитателям, помогающая заменить насильственную практику воздействия на подопечных построением с ними позитивных, здоровых отношений; обучение детей и подростков продуктивным социальным навыкам; профилактика буллинга; медицинская, социальная и психологическая помощь лицам-жертвам насилия; ограничение доступности ПАВ, алкоголя, оружия; создание безопасного киберпространства. По данным ВОЗ за 2024 год, в странах, в которых активно

внедряются вышеперечисленные стратегии, говорят о сокращении распространенности насилия над детьми от 20 до 50%⁹.

Таким образом, теоретический анализ указывает на связь семейного неблагополучия с девиантной аффилиацией, однако роль конкретных психологических механизмов требует эмпирической проверки.

Выявление медиаторов, через которые реализуется связь между деструктивной семейной средой и девиацией, становится актуальной научной задачей.

Цель исследования — выявить и проанализировать специфические внутриличностные и внутрисемейные психологические характеристики подростков, взаимосвязанные с риском формирования девиантного поведения и аффилиации с деструктивными группами.

Задачи исследования.

1. Оценить уровень и структуру агрессивности и враждебности у подростков.
2. Изучить характер эмоционального отношения подростков к своему ближайшему социальному окружению.
3. Выявить распространенность негативных переживаний и опыта жестокого обращения в среде подростков.
4. Проанализировать связь между выявленными внутриличностными характеристиками (агрессия, враждебность, недоверие) и восприятием семейного климата.

Гипотеза исследования: связь между негативными внутрисемейными отношениями и риском девиантной аффилиации у несовершеннолетних опосредована высоким уровнем враждебности и недоверия к социальному окружению.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 142 (N = 142) респондента в возрасте от 12 до 18 лет (M = 15,12) — ученики 5—11-х классов школ и гимназий г. Уфы. Распределение по полу: юношей — 56%, девушек — 44%.

Процедура исследования. Сбор данных осуществлялся в декабре 2025 года с использованием распечатанных бланков тестовых материалов. Время проведения исследования составляло 60 минут. Участие в исследовании было добровольным и анонимным и осуществлялось на основании письменного согласия на исследование родителей или законных представителей несовершеннолетних, а также с личного согласия самих несовершеннолетних в соответствии с требованиями российского законодательства. С целью обеспечения этических стандартов респондентам и их представителям были разъяснены цели и методы исследования, данные обрабатывались в обезличенном виде.

Исследовательский инструментарий. Для измерения уровня враждебности, агрессивности, обиды и чувства вины был применен «Опросник уровня агрессивности Басса—Дарки» (А. Басс, Э. Дарки); для качественного анализа глубинных переживаний подростков к себе, своей семье и своему окружению использовалась проективная методика «Незаконченные предложения» (Д. Сакс, С. Леви; модификация В. Михала); диагностика отношения к насилию и его практике в семьях респондентов проводилась с помощью

⁹ Страны обязуются принять меры по борьбе с насилием в отношении детей, от которого страдают около 1 миллиарда несовершеннолетних. ВОЗ, (2024, ноябрь 7). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/07-11-2024-countries-pledge-to-act-on-childhood-violence-affecting-some-1-billion-children> (дата обращения: 19.01.2026).

методики «Незаконченные предложения, отношение ребенка к насилию» (Д. Сакс, С. Леви; модификация Е.Н. Волковой); для оценки характера внутрисемейных взаимоотношений, социально-психологической адаптации, а также склонности к асоциальному поведению применялся опросник «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалакова, Д.В. Трубецков, 2017).

Результаты

На основании проведенного исследования выявлен статистически значимый феномен: $t(141) = 6,58, p < 0,001, d = 0,55$, — демонстрирующий повышенный уровень враждебности при одновременном снижении общей агрессивности относительно нормативных значений. (табл. 1), что может интерпретироваться как состояние фрустрированной агрессии, когда негативные эмоции и установки существуют, но не находят адекватных способов для выражения.

Таблица 1 / Table 1

Основные показатели агрессивности и враждебности у подростков (N = 142) Key indicators of aggression and hostility in adolescents (N = 142)

Показатель / Indicator	M ± SD	95% доверит. интервал / 95% Confidence Interval	Min	Max	Медиана / Median	Норма*/ Norm*	t	p	d
Агрессивность / Aggression	17,13 ± 6,12	[16,11, 18,15]	1	34	17,0	21,0	-7,85	< 0,001	0,66
Враждебность / Hostility	9,11 ± 4,01	[8,44, 9,78]	1	18	9,0	7,0	6,58	< 0,001	0,55
Физическая агрессия / Physical aggression	4,85 ± 2,89	[4,37, 5,33]	0	10	5,0	5,0	-0,62	0,535	0,05
Косвенная агрессия / Indirect aggression	4,39 ± 2,21	[4,02, 4,76]	0	9	4,0	4,0	2,23	0,027	0,19
Вербальная агрессия / Verbal aggression	7,27 ± 2,61	[6,84, 7,70]	0	13	7,0	6,5	3,63	< 0,001	0,30
Обида / Resentment	3,98 ± 2,18	[3,61, 4,35]	0	8	4,0	4,0	-0,12	0,904	0,01
Подозрительность / Suspiciousness	5,13 ± 2,56	[4,70, 5,56]	0	14	5,0	5,0	0,61	0,541	0,05

Примечание: нормативные значения «*» представлены по Е.И. Рогову (2001).

Note: standard values "*" are presented according to E.I. Rogov (2001).

Респонденты продемонстрировали средний уровень общей агрессивности, который статистически значимо (на 18,4%) ниже популяционной нормы. Уровень враждебности (установки и чувства) превышает норму на 30,1%, что указывает на преобладание скрытых форм агрессии над открытыми агрессивными действиями.

Склонность респондентов к физическому выражению агрессии соответствует средним популяционным значениям. Показатели косвенной агрессии демонстрируют тенденцию к непрямому выражению агрессии (сплетни, удары по предметам).

Уровень вербальной агрессии значимо выше нормы. Респонденты чаще используют крик, ссоры, ругань и угрозы в негативных ситуациях.

Полученные данные по шкалам «обида» и «подозрительность» соответствуют средним значениям.

Таким образом, высокий уровень враждебности в подростковой среде, без ее внешнего выражения, может свидетельствовать о внутренних запретах на проявление открытых форм агрессии из-за страха негативных последствий, что приводит к интернализации агрессивных импульсов.

Статистическая обработка полученных ответов респондентов с помощью методики «Незаконченные предложения» показала следующие результаты: наиболее позитивные установки были продемонстрированы по шкале «Отношение к матери», позитивно окрашенные ответы предоставили 80% подростков, 9,8% выразили к ней негативное и резко негативное отношение, ответы остальных респондентов были нейтрально окрашены. Продолжение фразы «Мы любим маму...» учащиеся выразили формулировками: «сильно», «просто так», «за то, что она есть», «за то, что она нас родила», «потому что мама — это святое», «и папу», «но ее очень легко рассердить», «я — нет», «любой».

Наибольший процент негативных и резко негативных ответов взяла на себя шкала «Отношение к отцу» — 38,7% респондентов выразили мнение в резко отрицательных формулировках, ответы 20% респондентов были нейтральными, остальные ответы были позитивно окрашены. Учащиеся продолжали фразу «Отцы иногда...» следующими формулировками: «злые», «разводятся», «шутят обидно», «укоряют», «пьют», «бьют», «ругают нас», «уходят», «уходят навсегда», «строгие», «странные», «бьют детей», «спят», «не существуют», «грубые», «передумывают», «бывают неправы», «насилуют без причины», «поздно приходят с работы», «не разбираются в моей жизни», «отсутствуют», «добрее мамы», «не умеют проявлять эмоций», «хотят признания», «любят меня», «слишком много разрешают», «заняты», «не участвуют в жизни детей», «отчимы», «бывают несправедливы к жене».

24,6% респондентов выразили негативное и резко негативное отношение к ровесникам, 64,7% ответов носили позитивных характер, ответы остальной части опрошенных были нейтральными.

Шкала «Негативные переживания» показала высокий уровень тревоги у 48,6% учащихся. Продолжая фразу «Я хочу, чтобы у меня не было...», респонденты отвечали: «смертельных болезней», «возможности потерпеть неудачу», «изъянов», «тревоги», «страха», «проблем», «лишнего веса», «грусти», «печали», «депрессии», «трусости», «комплексов», «стресса», «вечной тревоги».

Завершая предложение «Если бы все ребята знали, как я боюсь...», респонденты отвечали: «совершить ошибку», «отца», «их», «потерять маму», «разочаровать», «одиночества», «школы», «выходить из дома», «стать инвалидом», «умереть в нищете», «прожить скучную жизнь», «себя», «ничего не сделать в жизни», «остаться непонятым», «остаться одной», «того, что меня изнасилуют», «смерти», «тревожных мыслей», «боли», «не поступить в ВУЗ», «получить двойку», «показаться неловкой», «маму».

В методике «Отношение ребенка к насилию» были обнаружены следующие наиболее часто встречающиеся ответы респондентов. Продолжая фразу «Когда у меня будут дети...», 8,5% отметили, что в будущем не хотят иметь детей. 40% опрошенных продолжили эту фразу словами: «не буду их бить», 7,7% сообщили, что не будут кричать на своих детей. Единичные ответы были следующими: «не буду пить алкоголь», «не буду ругать за оценки», «не дам их в обиду», «не буду плохим отцом», «не оставлю их», «не позволю им думать, что они мне не нужны», «не оскорблю их», «не буду поступать как мои родители».

Завершая фразу: «Наша семья была бы идеальной, если бы не...», 8 респондентов ответили «я», альтернативными ответами были: «отец», «алкоголизм», «крики», «ссоры», «родители», «проблемы с отцом», «страх перед мамой». Продолжая предложение: «Больше всего я не люблю, когда мои родители...» 42% респондентов отметили факты вербальной агрессии словами: «кричат», «ругаются», «ссорятся», «кричат на меня».

Анализ отдельных пунктов опросника «Антивитальность и жизнестойкость» выявил следующие показатели: 17% респондентов сообщили о том, что подвергаются эмоциональному насилию в своих семьях; 48% отметили, что не доверяют людям из-за страха предательства; 37% подтвердили пережитый опыт жестокого обращения со стороны ближайшего окружения; 63% подростков предпочитают решать свои проблемы самостоятельно; 22,5% рассказали, что хотели уйти из дома из-за конфликта с родными; 31% респондентов испытывают чувство непонимания со стороны своего окружения; 28% считают, что никому нет до них дела; 10% выборки признались, что стыдятся своих родителей.

Для проверки структурных взаимосвязей внутри выявленного психологического профиля был проведен корреляционный анализ. В связи с порядковым характером части данных (шкала отношения к отцу) и для обеспечения большей надежности результатов представлены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (ρ) (табл.2).

Таблица 2 / Table 2

Матрица межкорреляций ключевых исследуемых переменных (N = 142)
Intercorrelation matrix of kevariables (N = 142)

Показатель / Indicator	Враждебность / Hostility	Агрессивность / Aggression	Отношение к отцу / Attitude towards father	Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust
Агрессивность / Aggression	0,659***			
df	140			
p	< ,001			
Отношение к отцу / Attitude towards father	-0,367***	-0,262**		
df	140	140		
p	< 0,001	0,002		
Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust	0,560***	0,332***	-0,429***	
df	140	140	140	
p	< 0,001	< 0,001	< 0,001	

Склонность к асоциальному поведению / Tendency to antisocial behavior	0,488***	0,588***	–0,297***	0,408***
df	140	140	140	140
p	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$; df — степеней свободы; значение отношения к отцу кодировалось от –2 (резко негативное) до +2 (максимально позитивное).

Note: “*” — $p < 0,05$; “**” — $p < 0,01$; “***” — $p < 0,001$; df — degrees of freedom; the value of attitude towards father was coded from –2 (sharply negative) to +2 (maximum positive).

Корреляционный анализ выявил значимые бивариативные связи между всеми изучаемыми переменными, что подтверждает общую взаимосвязь семейного неблагополучия, личностных характеристик и склонности к асоциальному поведению. Особенно сильные связи наблюдаются внутри кластера «враждебность—одиночество/недоверчивость—склонность к асоциальному поведению», что указывает на их тесную взаимозависимость.

Ключевым результатом является выявление значимых отрицательных корреляций показателя «Отношение к отцу» со всеми остальными переменными. Наиболее сильная из этих связей наблюдается между негативным восприятием отца и высоким уровнем одиночества и недоверчивости. Умеренная, но высоко значимая отрицательная связь зафиксирована между отношением к отцу и уровнем враждебности. Более слабые, но статистически значимые отрицательные связи отмечаются между отношением к отцу и общей агрессивностью.

Проведенный бинарный логистический регрессионный анализ, контролирующий взаимное влияние переменных, позволил выявить непосредственные предикторы риска девиантной аффилиации (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Результаты бинарной логистической регрессии, предсказывающей
вероятность принадлежности группе риска девиантной аффилиации**
**Results of binary logistic regression predicting the probability
of belonging to the risk group for deviant affiliation**

Предиктор / Predictor	Вес / Weight	95% доверительный интервал / 95% Confidence Interval		SE	Z	p	Отношение шансов / Odds ratio
		Нижняя граница / Lower bound	Верхняя граница / Upper bound				
Константа / Constant	–3,13	–4,34	–1,91	0,62	–5,04	< 0,001	0,04
Враждебность / Hostility	0,12	0,00	0,23	0,06	2,01	0,05	1,13
Отношение к отцу / Attitude towards father	–0,13	–0,47	0,21	0,17	–0,76	0,45	0,88

Дмитриенко С.О., Политика О.И. (2026)
Враждебность и социальное недоверие
как предикторы девиантной аффилиации подростков
Психология и право, 16(3), 154—173.

Dmitrienko S.O., Politika O.I. (2026)
Hostility and social distrust as predictors
of deviant affiliation in adolescents
Psychology and Law, 16(3), 154—173.

Одиночество, недоверчивость / Loneliness, mistrust	0,20	0,03	0,38	0,09	2,11	0,03	1,23
Опыт жестокого обращения / Experience of abuse	0,01	–0,36	0,38	0,19	0,06	0,95	1,01

Примечание: веса представляют собой логарифмические шансы «группа риска = 1» по сравнению с «группа риска = 0».

Note: weights represent log odds of "risk group = 1" compared to "risk group = 0".

Статистически значимый вклад в прогноз вносят враждебность ($OR = 1,13$, $p = 0,05$) и одиночество/недоверчивость ($OR = 1,23$, $p = 0,03$). Влияние переменных «отношение к отцу» и «опыт жестокого обращения», становится статистически незначимым, что означает: негативный семейный опыт не приводит напрямую к повышению риска девиантной аффилиации, а делает это через формирование у несовершеннолетнего высокого уровня враждебности и недоверия к окружающим. Таким образом, враждебность и недоверие (комплекс одиночества и недоверчивости) выступают ключевыми медиаторами в исследуемой взаимосвязи.

Обсуждение результатов

Эмпирическое исследование выявило специфические внутриличностные и межличностные характеристики современных подростков, формирующих психологический профиль повышенного риска девиантной аффилиации, раскрытый в теоретической части работы.

Основным результатом данного исследования является эмпирическое подтверждение медиаторной гипотезы. Данные регрессионного анализа (табл. 3) показывают, что враждебность и недоверие (объединяющее в себе такие внутриличностные характеристики, как одиночество и недоверчивость) выступают непосредственными статистически значимыми предикторами риска девиантной аффилиации у несовершеннолетних. Это позволяет уточнить представления о механизмах формирования девиантности: семейное неблагополучие создает почву, в то время как запускает процесс девиантного поиска именно конкретный психологический профиль, характеризующийся недоверчивостью (убежденностью в ненадежности других) и враждебностью (ожиданием причинения вреда), что согласуется с теорией дифференциальной ассоциации Сатерленда — когда антисоциальные установки (аналогичные выявленным в настоящем исследовании враждебности и недоверию) начинают превалировать над просоциальными и поведение подростка определяется его внутренними убеждениями, а не внешними обстоятельствами. Таким образом настоящее исследование эмпирически подтверждает, что семейное неблагополучие способствует формированию именно такого девиантного мировоззрения.

Статистически значимо повышенный уровень враждебности при сниженном уровне общей агрессивности (табл. 1) можно интерпретировать как фрустрированную агрессию (Рогов, 1995), при которой существующие негативные эмоции, обиды и установки не находят социально приемлемого и безопасного выхода. Данный феномен согласуется с концепцией выученной беспомощности, описанной во введении. Корреляционный анализ (табл. 2) подтверждает значимую связь высокого уровня враждебности с переживанием одиночества и недоверия к социуму ($p = 0,560$). Высокая латентная враждебность может выступать маркером

эмоционального неблагополучия и внутриличностного конфликта, впоследствии ведущих к девиантному поведению.

Контраст между позитивным отношением к матери и крайне негативным отношением к отцу является ярким свидетельством дисфункциональной семейной структуры. Ответы респондентов демонстрируют восприятие ими отца не как авторитетной, поддерживающей фигуры, а как источника угрозы, отчуждения, эмоционального и физического насилия. Статистически значимая отрицательная корреляция между отношением к отцу и уровнем враждебности ($r = -0,367$), а также между отношением к отцу и переживанием одиночества и недоверия ($r = -0,429$) подтверждает, что негативное восприятие отца непосредственно связано с формированием базового недоверия к социуму, враждебности, чувства брошенности и обиды; все это создает почву для актуализации у подростка поиска альтернативных референтных групп.

Высокий уровень враждебности и недоверия у подростков существует на фоне отчетов о пережитом негативном опыте: 17% опрошенных прямо указали на то, что подвергались в семье эмоциональному насилию, а 37% подтвердили наличие опыта жестокого обращения со стороны ближайшего окружения. Этот опыт находит отражение в корреляционных связях: негативное отношение к отцу значимо коррелирует со склонностью к асоциальному поведению ($r = -0,297$) (табл. 2). Кроме прочего, доминирующая стратегия совладания, выражающаяся в самостоятельном решении своих проблем в контексте высокого недоверия у несовершеннолетних, выглядит как вынужденная гипертрофированная автономия, сформировавшаяся из-за отсутствия поддерживающей семейной среды.

Комплекс вышеописанных характеристик — враждебность, недоверие, вынужденная самостоятельность — формирует у несовершеннолетних психологическую отстраненность от просоциальных институтов и повышает риск восприимчивости к влиянию девиантных групп, дающих ощущение признания и собственной значимости, что согласуется с описанным в теоретической части работы циклом насилия (Favre et al., 2024).

Заключение

На основании эмпирического исследования можно сформулировать следующие выводы: ведущей внутриличностной характеристикой в исследуемой выборке подростков выступает синдром психологического риска, характеризующийся сочетанием высокой враждебности и генерализованного недоверия (включающего в себя одиночество и недоверчивость), что проявляется в феномене фрустрированной агрессии.

Данные характеристики имеют статистически значимые корреляционные связи с негативным внутрисемейным опытом (жестокое обращение, крайне негативное восприятие отца на фоне позитивного отношения к матери), что подтверждает их генезис в дисфункциональной семейной системе.

Регрессионный анализ подтвердил, что именно враждебность и недоверие, а не сами по себе семейные факторы, являются непосредственными предикторами склонности к асоциальному поведению. Это свидетельствует об их медиаторной роли в цепи «семейное неблагополучие → девиантная аффилиация».

Основной вклад настоящего исследования заключается в выявлении конкретных психологических механизмов-медиаторов — генерализованного недоверия и латентной враждебности. Это уточняет теоретические представления о генезисе девиантного поведения

и, что критически важно, имеет высокую практическую значимость, указывая на конкретные мишени для психологической работы, доступные для интервенции даже в тех случаях, когда семья в целом отказывается от помощи. Ниже представлены рекомендации для психолого-педагогического состава учебных заведений, а также социальных служб, основанные на полученных результатах.

Настоящее исследование выступает аргументом для возможности рассмотрения изменения процедур получения информированного согласия на психологическую интервенцию в учебных заведениях в исключительных случаях.

Практические рекомендации.

1. Диагностика. При скрининговых обследованиях подростков, наряду с общей агрессивностью, будет целесообразным обращать особое внимание на показатели враждебности и подозрительности, выявляющие латентную фрустрированную агрессию, поскольку внешне неагрессивные подростки с высокими баллами по данным шкалам составляют группу скрытого риска девиантной аффилиации.

2. Коррекционная работа. Ключевыми направлениями интервенции подростков из группы риска должны стать:

1) формирование базового доверия к социальному окружению через построение безопасных и предсказуемых отношений со значимым взрослым (учителем, школьным психологом, социальным педагогом);

2) легализация и контейнирование враждебных чувств подростком через техники работы с подавленным гневом;

3) преодоление стратегии «вынужденной самостоятельности» через обучение навыкам обращения за помощью и принятия поддержки;

4) обучение конструктивным способам взаимодействия со сверстниками — распознаванию безопасных групп, отказу от манипуляций, развитию навыков сотрудничества и разрешения конфликтов без агрессии, что в дальнейшем будет способствовать снижению риска аффилиации с деструктивными сообществами.

Перспективы исследования. Дальнейшие лонгитюдные исследования позволят проверить причинно-следственную направленность выявленных связей: является ли враждебность и недоверие стабильной личностной чертой или же ситуативным состоянием, обратимым при изменении деструктивной семейной ситуации. Перспективными представляются кросс-культурные и межрегиональные сравнения, которые помогут оценить влияние социокультурного контекста на выраженность выявленного синдрома фрустрированной агрессии. Отдельного изучения требует вопрос о возможности и условиях изменения процедуры получения информированного согласия на психологическую интервенцию для несовершеннолетних из групп риска, поднимаемый в настоящем исследовании.

Ограничения. Полученные результаты следует интерпретировать с учетом ряда методологических ограничений. Кросс-секционный дизайн исследования не дает оснований для однозначных причинно-следственных выводов; в дальнейшем необходимо проведение лонгитюдных исследований.

Выборка исследования была сформирована из учащихся школ и гимназий одного города, что ограничивает возможность генерализации выводов на всю популяцию подростков.

Несмотря на эти ограничения, настоящее исследование вносит вклад в понимание психологических механизмов, выявляющих конкретные мишени для профилактической работы.

Limitations. The results obtained should be interpreted taking into account a number of methodological limitations. The cross-sectional design of the study does not provide grounds for definitive causal inferences; further longitudinal studies are needed.

The study sample was drawn from students in schools and high schools in a single city, limiting the generalizability of the findings to the entire adolescent population.

Despite these limitations, this study contributes to our understanding of the psychological mechanisms that identify specific targets for prevention efforts.

Список источников / References

1. Абубакиров, Ф.М. (2011). Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике. *Российский судья*, 8, 19—23. URL: <https://www.elibrary.ru/oeyeyun> (дата обращения: 22.01.2026).
Abubakirov, F.M. (2011). Criminal-legal assessment of violence in criminal legislation and judicial practice. *Russian Judge*, 8, 19—23. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/oeyeyun> (viewed: 22.01.2026).
2. Бадамшин, И.Д., Набиев, Ф.Ф. (2020). Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины. *Право: ретроспектива и перспектива*, 2(2), 68—73. URL <https://www.elibrary.ru/tncyst> (дата обращения: 22.01.2026).
Badamshin I.D., Nabiev F.F. (2020). Family-domestic violence: concept, types, causes. *Law: Retrospective and Prospect*, 2(2), 68—73. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/tncyst> (viewed: 22.01.2026).
3. Бандура, А. (2000). *Теория социального научения*. Пер. с англ. СПб: Евразия.
Bandura, A. (2000). *Social Learning Theory*. Trans. from Engl. Saint Petersburg: Eurasia Publ. (In Russ.).
4. Божович, Л.И. (1997). *Проблемы формирования личности*. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
Bozhovich, L.I. (1997). *Problems of personality formation*. Moscow: Institute of Practical Psychology Publ.; Voronezh: INPO "MODEK" Publ. (In Russ.).
5. Выготский, Л.С. (1984). Педология подростка. В: Л.С. Выготский. *Собрание сочинений: в 6 т. Том 4. Детская психология*. М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1984). Pedology of a teenager. In: L.S. Vygotsky. *Collected works: In 6 vols. Vol. 4. Child psychology*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.).
6. Головей, Л.А. (2002). *Практикум по возрастной психологии*. СПб: Речь.
Golovey, L.A. (2002). *Practical training in age psychology*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
7. Качаева, М.А., Дозорцева, Е.Г., Борисенко, Е.В. (2017). Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек. *Психология и право*, 7(3), 110—126. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070309>
Kachaeva, M.A., Dozortseva, E.G., Borisenko, E.V. (2017). The long-term effects of domestic violence against women and girls. *Psychology and Law*, 7(3), 110—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070309>

Дмитриенко С.О., Политика О.И. (2026)
Враждебность и социальное недоверие
как предикторы девиантной аффилиации подростков
Психология и право, 16(3), 154—173.

Dmitrienko S.O., Politika O.I. (2026)
Hostility and social distrust as predictors
of deviant affiliation in adolescents
Psychology and Law, 16(3), 154—173.

8. Кон, И.С. (1989). *Психология ранней юности: Учебное пособие*. М.: Просвещение. URL <https://www.elibrary.ru/vxlcuu> (дата обращения: 22.01.2026).
Kon, I.S. (1989). *Psychology of early youth*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.). URL <https://www.elibrary.ru/vxlcuu> (viewed: 22.01.2026).
9. Личко, А.Е. (1983). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Л.: Медицина.
Lichko, A.E. (1983). *Psychopathy and character accentuations in adolescents*. Leningrad: Meditsina Publ. (In Russ.).
10. Мельник, С.С. (2025). Борьба с экстремизмом в призме теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда. *Пролог: журнал о праве*, 3(47), 69—77. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77>
Melnik, S.S. (2025). The Fight Against Extremism in the Scope of Edwin Sutherland's Theory of Differential Association. *Prologue: Law Journal*, 3(47), 69—77. (In Russ.). <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77>
11. Нарущая, Н.В. (2025). Общее состояние и динамика преступности несовершеннолетних в современной России. *Вестник экономики и права*, 108, 64—71. URL: <https://www.elibrary.ru/ytsnjy> (дата обращения: 19.01.2026).
Narutskaya, N.V. (2025). The general state and dynamics of juvenile delinquency in modern Russia. *Bulletin of Economics and Law*, 108, 65—72. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ytsnjy> (viewed: 19.01.2026).
12. Пионтковский, А.А. (1938). *Преступления против личности*. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР.
Piontkovsky, A.A. (1938). *Crimes against the person*. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR. (In Russ.).
13. Рогов, Е.И. (1995). *Настольная книга практического психолога в образовании*. М.: ВЛАДОС.
Rogov, E.I. (1995). *Handbook of a practical psychologist in education*. Moscow: VLADOS Press. (In Russ.).
14. Рогов, Е.И. (2001). *Настольная книга практического психолога*. М.: ВЛАДОС.
Rogov, E.I. (2001). *Handbook of a practical psychologist*. Moscow: VLADOS Press. (In Russ.).
15. Сагалакова, О.А., Трубеццев, Д.В. (2017). Опросник «Антивитаальность и Жизнестойкость». *Медицинская психология в России*, 9(2), Статья 4. URL: <https://www.elibrary.ru/wpcpal> (дата обращения: 02.02.2025).
Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V. (2017). Anti-Vitality and Resilience Questionnaire. *Medical Psychology in Russia*, 9(2), Article 4. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/wpcpal> (viewed: 02.02.2025).
16. Agnew-Blais, J., Danese, A. (2016). Childhood maltreatment and unfavorable clinical outcomes in bipolar disorder: A systematic review and meta-analysis. *The Lancet Psychiatry*, 3(4), 342—349. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(15\)00544-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(15)00544-1)
17. Favre, C.A., Garrote, A., Kassis, W., Bacher, J., Wullschleger, A., Aksoy, D. (2024). The cycle of violence: Effects of violence experience, behavior, and attitudes on adolescents' peer rejection networks. *Frontiers in Education*, 9, Article 1359558. <https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1359558>
18. Widom, C.S. (1989). The cycle of violence. *Science*, 244(4901), 160—166. <https://doi.org/10.1126/science.2704995>

Дмитриенко С.О., Политика О.И. (2026)
Враждебность и социальное недоверие
как предикторы девиантной аффилиации подростков
Психология и право, 16(3), 154—173.

Dmitrienko S.O., Politika O.I. (2026)
Hostility and social distrust as predictors
of deviant affiliation in adolescents
Psychology and Law, 16(3), 154—173.

19. Yang, W., Jin, Sh., Duan, W., Yu, H., Ping, L., Shen, Z., Cheng, Yu., Xu, X., Zhou, C. (2023). The effects of childhood maltreatment on cortical thickness and gray matter volume: A coordinate-based meta-analysis. *Psychological Medicine*, 53(5), 1681—1699. <https://doi.org/10.1017/S0033291723000661>

Информация об авторах

Светлана Олеговна Дмитриенко, магистрант кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7692-0210>, e-mail: svetadmitrienko@mail.ru

Оксана Ивановна Политика, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5538-7711>, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana O. Dmitrienko, Master's Student of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7692-0210>, e-mail: svetadmitrienko@mail.ru

Oksana I. Politika, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5538-7711>, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Вклад авторов

Дмитриенко С.О. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных; проведение исследования; применение статистических, математических и других методов для анализа данных.

Политика О. И. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Svetlana O. Dmitirenko — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; data collection and analysis; conducting the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis.

Oksana I. Politika — ideas; planning of the research; control over the research.

Дмитриенко С.О., Политика О.И. (2026)
Враждебность и социальное недоверие
как предикторы девиантной аффилиации подростков
Психология и право, 16(3), 154—173.

Dmitrienko S.O., Politika O.I. (2026)
Hostility and social distrust as predictors
of deviant affiliation in adolescents
Psychology and Law, 16(3), 154—173.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 02.02.2026
Поступила после рецензирования 29.05.2026
Принята к публикации 29.05.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.02.02
Revised 2026.05.29
Accepted 2026.05.29
Published 2026.09.30